

DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00012

Н.П. Дворцова (Тюмень)
ORCID ID: 0000-0001-5586-0575

СИБИРСКИЙ СЮЖЕТ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА

Аннотация. В статье впервые в контексте «пространственного поворота» современного гуманитарного знания исследуются динамика, смыслы, мотивы, биографическая и художественная версии сибирского сюжета (сюжета открытия, завоевания и освоения Сибири) в судьбе и творчестве М.М. Пришвина. Показано, что сибирский сюжет по времени (1889–1954 гг.) почти совпадает с жизнью писателя и структурируется логикой его сибирских путешествий. Реконструируются маршруты и смыслы трех путешествий Пришвина в Сибирь (1889–1892 гг.; 1909 г.; 1931 г.), совпадающих в пространстве с путем русских первопроходцев XVI–XIX вв. Сибирский сюжет становится для Пришвина путем самосознания (открытия своего в чужом и чужого в своем), испытания революционной и религиозной идей русской культуры, постижения России, важную роль в котором играют книги Дж. Кеннана и Э. Ренана. Обосновывается идея о том, что сибирский сюжет стал средоточием и испытанием важнейших идей и мотивов творчества Пришвина: русской мечты «попытать счастья» на новых местах («собрание русской земли»); народного пути в небывалое и осударевой дороги русской истории (пота труда и «крови» государственного насилия); сотворчества человека и природы (индустриального освоения и сокровенной природной жизни Сибири) и др. Установлено, что сибирский сюжет Пришвина связан с ключевыми темами, мотивами и идеями сибирского текста русской культуры (Сибирь и / как Азия, Америка, колония, ссылка, пространство, свобода / воля и т.п.), но его доминантой является образ Сибири как России и русского пути в небывалое.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; сибирский сюжет; сибирское путешествие; Дж. Кеннан; сибирский текст; мотив; ландшафтно-географический образ.

N.P. Dvortsova (Tyumen)
ORCID ID: 0000-0001-5586-0575

The Siberian Plot in M.M. Prishvin's Fate and Literary Works

Abstract. For the first time in the context of the spatial turn of the modern humanitarian knowledge, the author studies the dynamics, meanings, motifs, biographical and artistic versions of the Siberian plot (the plot of discovery, conquest and development of Siberia) in M.M. Prishvin's fate and literary works. The Siberian plot almost coincides in time (1889–1954) with the writer's life and is structured by the logic of his Siberian travels. The author reconstructs the routes and meanings of Prishvin's three trips to Siberia (1889–1892, 1909, 1931) coinciding in space with the Russian pio-

neers's paths of the 16th–19th century. For Prishvin, this Siberian plot becomes a way of self-identification (revealing his true self among strangers and strangeness in his true self). There he tests the revolutionary and religious ideas of Russian culture and comprehends Russia. J. Kennan's and E. Renan's books played an important role in this process. The author proves that the Siberian plot became the test and trial for Prishvin's most important ideas and literary motifs: the Russian dream of “trying one's luck” in new places (“gathering of the Russian lands”); the people's way into the unknown and the monarchical path of the Russian history (the labor sweat and “blood” of state violence); the co-creation of man and nature (industrial development and pristine Siberian nature), etc. Prishvin's Siberian plot is related to the key themes, motifs and ideas of the Siberian text of the Russian culture (Siberia and / as Asia, America, colony, exile, space, freedom / will, etc.). Its dominant image is Siberia as Russia and the Russian path into the unknown.

Key words: M.M. Prishvin; Siberian plot; Siberian journey; J. Kennan; Siberian text; motif; landscape-geographical image.

Изучение сибирской темы в творчестве М.М. Пришвина традиционно для литературоведческой науки, прежде всего, с точки зрения биографического и краеведческого подходов. Так, А.Н. Варламов пишет о роли Тюмени в судьбе Пришвина [Варламов 2003, 50–52]. Осмысляется место писателя в культурном пространстве первого русского города в Сибири [Дворцова 2003, 8–18].

Однако в современной науке появились новые возможности для изучения сибирской темы в творчестве Пришвина. Они связаны с двумя факторами. Во-первых, с завершением в 2017 г. публикации «Дневников» Пришвина в их полном объеме (1905–1954), что, вероятно, приведет к переосмыслению привычных постулатов пришвиноведения. Сибирской темы в творчестве Пришвина идея о пересмотре традиционных представлений, с нашей точки зрения, касается в первую очередь.

Кроме того, в современном изучении творчества Пришвина важен так называемый «пространственный поворот» в современной гуманитарной науке, связанный с именами И. Сиды [Сид 2017], В. Абашева [Абашев 2000], А. Люсого [Люсый 2000], Д. Замятина [Замятин 2003] и других теоретиков и практиков геопоэтики как работы с ландшафтно-географическими образами и / или мифами, включающей в себя и антропологию путешествий. В этом контексте создана работа Е.А. Худенко, посвященная имагологии и поэтике киргизской степи в творчестве Пришвина [Худенко 2017].

Открывшиеся в современной науке возможности позволяют в рамках статьи по-новому осмыслить сибирский сюжет (сюжет открытия, завоевания и освоения) в судьбе и творчестве Пришвина, разграничив его биографическую и художественную версии и, главное, решив задачу реконструкции трех сибирских путешествий писателя, совпадающих в пространстве с путем русских первопроходцев XVI–XIX вв.

Сибирь в биографии Пришвина

В уточнении нуждается сегодня, прежде всего, биографический аспект сибирского сюжета Пришвина, позволяющий понять геоэпоэтику его сибирских путешествий. Важен тот факт, до сих пор ускользавший от внимания исследователей, что Пришвин был в Сибири трижды и каждый раз маршрут его путешествия менялся, становясь все более протяженным.

В 1889–1892 г. Пришвин предпринял самое короткое путешествие в Азию, границей которого становится первый русский город в Сибири – Тюмень (1586 г.). В 1909 г. маршрут сибирского путешествия писателя значительно увеличился. И не случайно отправной точкой этого путешествия становится, как об этом свидетельствует «Сибирский дневник», именно Тюмень, а не граница Европы и Азии, как в первом путешествии. Маршрут путешествия 1909 г.: Тюмень – Омск – Павлодар – Каркаралинск – Тюмень.

В 1931 г. Пришвин совершает третье и самое протяженное путешествие по Сибири – от Уральских гор до Тихого океана. В этом году Пришвин, как известно, побывал на Урале и Дальнем Востоке. Это те территории, которые с географической точки зрения представляют собой границы Сибири. На этот раз он проехал весь тот путь, который русские первооткрыватели прошли в XVI–XIX вв. (Владивосток был основан в 1860 г.).

Важным дополнением трех сибирских путешествий Пришвина становится, очевидно, сибирский путь и ссылка В.Д. Пришвиной, о которой она, в частности, рассказывает писателю в 1940 г., вспоминая о встрече с поэтом Николаем Клюевым, отбывавшем ссылку в селе Колпашево Нарымского края Томской области [Пришвин, Пришвина 1996, 39].

Для осмысления сибирской темы в судьбе и творчестве Пришвина, помимо названных, важны еще два биографических факта, о которых наиболее полно говорится в «Кашеевой цепи», которые более всего изучены в современном пришвиноведении, но вместе с тем могут быть по-новому интерпретированы. Во-первых, это исключение Пришвина из Елецкой гимназии с волчьим билетом, т.е. с запретом учиться в государственных (казенных) учебных заведениях, вследствие чего Пришвин и оказался впервые в Сибири, в Тюмени.

В «Кашеевой цепи», в звене «Золотые горы», событие это становится историей превращения Алпатова в государственного преступника, т.е. революционера. История эта имела под собой не только субъективные, но и объективные основания. Американец Дж. Кеннан, отправившийся в свое сибирское путешествие в 1885 г., на четыре года раньше Пришвина и посетивший в Тюмени Александровское реальное училище, в котором в 1889 г. будет учиться Пришвин, не без иронии в предисловии к своей книге «Сибирь и ссылка» замечает, что успешно решить задачу исследования революционного движения в России можно было только там, где находилось большое число русских революционеров, а именно в Сибири [Кеннан 1906, 3–4]. Вторая глава («Западно-сибирская равнина. Тюрьмы»)

книги Кеннана почти целиком посвящена Тюмени и, в частности, описанию Александровского реального училища, так что у Пришвина были все основания читать Кеннана с особым интересом [Кеннан 1906, 34–62].

Во-вторых, для пришвинского понимания Сибири важна история дяди писателя И.И. Игнатова, попавшего в Сибирь традиционным путем старообрядцев, связанным с их легендой о Беловодье. Эта история станет важнейшей в «Кашеевой цепи».

С биографической точки зрения, таким образом, Сибирь, прежде всего, открывается Пришвину как пространство, где испытываются на состоятельность две важнейшие русские идеи – революционная и религиозная. Важно подчеркнуть, что обе они связаны с народной идеей свободы / воли.

Для понимания того, какое место занимала Сибирь в сознании Пришвина, с нашей точки зрения, важен еще один биографический факт. В Дневнике 1918 г. он пишет о том, что, начиная с марта этого года, общество сибиряков-областников в Петрограде «будет издавать журнал для юношества... под редакцией М.М. Пришвина». Задача этого журнала, называющегося «Сибирский страж», который, насколько нам известно, не был создан, – «осветить юношам Сибирь как страну вольности, вызвать в них стремление поднять свой дух согласно с могучей природой страны и быть на страже заключенных в каждой народности вольностей» [Пришвин 1994, 30]. В этой записи принципиально важна связь Пришвина с сибирскими областниками, отстаивавшими идеи территориальной автономии и особой культурной идентичности сибиряков. Важен также тот факт, что образ Сибири связан у Пришвина в это время с тремя характеристиками: вольность, понимаемая в том числе как вольность любого из многочисленных сибирских народов, могучая природа и дух самосознания, на современном языке понимаемый как поиски идентичности (вольность, природа, идентичность).

Сибирский текст Пришвина, структурированный прежде всего маршрутами трех его путешествий, включает в себя, помимо «Кашеевой цепи» (1922–1928, 1954) и «Дневников» в их полном объеме (1905–1954), такие произведения, как «Черный араб» (1910), «Заворошка» (1913), «Архары» (1921), «Жень-шень» (1933), «Золотой рог» (1934).

Второе сибирское путешествие Пришвина

Сибирское путешествие 1909 г. отразилось, помимо «Кашеевой цепи», в трех произведениях писателя: шедевре раннего Пришвина «Черный араб» (1910); «Заворошка» (1913); «Архары» (1921) – а также в «Сибирском дневнике», названном автором «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» (1909). Именно это, второе, путешествие стало для Пришвина подлинным открытием Сибири с точки зрения образа края, его коренных народов и русского освоения.

Пришвинский образ Сибири, воссозданный в документальных очерках «Заворошка», включен в многовековую традицию осмысления края, по-

ражающего путешественников «неизмеримым пространством» и «богатством естества» (Н.М. Карамзин). Для Пришвина «Сибирь – богатейшая страна. Сибирь – необъятное пространство. Сибирь – золотое дно, страна обетованная». В Сибири иные представления о пространстве. «Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто», – пишет Пришвин [Пришвин 1982, I, 705, 713].

Открывая для себя природу Сибири, писатель задумывается о создании того, что он назовет художественной географией. У Пришвина она космична, ее основные образы – земля-ковёр, степь-лицо, звезды – в их обыденном восприятии и трансцендентном измерении [«...Христос собрал людей и повел не сюда, не к земле, а от земли к звездам»]. Подчеркнем, что пришвинской геопоэтике Сибири еще предстоит быть изученной [Пришвин 2007, 482, 486, 566].

Путешествие 1909 г. состоит из двух частей, границей которых становится 12 августа, когда Пришвин пишет о том, что «весь план путешествия изменился»: из изучения хода и последствий столыпинской реформы оно становится (Москва, 29 июля – Тюмень, 3–5 августа – Омск, 7–9 августа – Павлодар, 12 августа – Алтын-Тарак, 14 сентября – Омск, 27 сентября – Москва, 2 октября) изучением жизни коренных сибиряков и охотой на архаров и других животных.

Пришвин пишет о неудаче столыпинской реформы, приведшей к тому, что на огромных сибирских пространствах крестьяне не находят ни земли, ни воли, ни счастливой жизни, ни «страны Арка(дия)». При этом он различает то, что можно назвать государственной колонизацией Сибири (в ходе столыпинской реформы), и ничем не искоренимую народную идею о «новых местах», иначе говоря, русскую мечту «попытать счастья» на новых местах [Пришвин 1995, 24].

Изучение жизни пастухов-кочевников заиртышских степей позволяет Пришвину увидеть их близость к жизни древних греков при Гомере. «Киргизскую Аркадию» [Пришвин 1982, I, 700, 706, 718], однако, не найдет пришедший в Сибирь в поисках счастья русский крестьянин, но она поможет Пришвину в 1930-е гг. создать миф о жень-шене, олене-цветке и китайце Лувене.

Важнейшей особенностью, точнее, отличием пришвинского образа Сибири является мотив Сибири как России. Он включен в систему универсальных мотивов сибирского текста русской культуры: Сибирь и / как Европа, и / как Азия, и / как Америка. Очевидно, что к пониманию Сибири как России Пришвин приходит благодаря опыту предшествующих путешествий в Олонекскую губернию (1906), в Карелию (1907), в Керженские леса на Светлое озеро (1908), на Кавказ (1894), а также в Норвегию (1907). Переправа через Иртыш посреди киргизской степи открывает Пришвину истину о том, что Сибирь – «та же Россия, это – она, от нее не уедешь никуда, это – тоже свое, близкое» [Пришвин 1982, I, 704].

Закономерно, что очерки о сибирской жизни [«Адам и Ева», «Первые земледельцы», «У Чертова озера (степной эскиз)»] Пришвин включает в

«Заворошке» в цикл «Новые места», стоящий в ряду циклов: «Русская земля – Новые места – Новая Земля». В Дневнике 1920 г. он назовет возможность странствовать по новым местам, дарованную русскому человеку благодаря огромным пространствам родной земли, его счастьем и радостью: «“Радость русского человека” самая первая, что можно было постранствовать, в Соловецкий монастырь или в Киевские печуры Богу помолиться, или по широким степям так походить, или в Сибирь уехать попытать счастья на новых местах, узнавая, как люди живут» [Пришвин 1995, 23–24]. С нашей точки зрения, русская «радость» («счастье») открытия новых земель, о которой пишет Пришвин, напрямую связана с присутствием ему «чувством дали» и чувством свободы и является первоисточником и первопричиной идеи писателя о народной дороге русской истории, противостоящей дороге осударевой.

«Кашеева цепь» 1920-х гг. и сибирский сюжет

В «Кашеевой цепи» (1922–1928, 1954), по нашему мнению, воплощен опыт всех трех сибирских путешествий писателя, чем и определяется место романа в его сибирском сюжете. Вместе с тем, необходимо различать текст романа 1922–1928 гг. и текст предисловия «От автора» в звене «Золотые горы», датированный 1954 г. Этот небольшой текст, с нашей точки зрения, можно считать завершением сибирского сюжета Пришвина.

В романе представлены основные образы и мотивы сибирской топики русской культуры: Сибирь как Азия, как Америка (новая Америка), как колония в ее отношениях с метрополией, как страна «счастливых людей» Беловодье, Китеж, Арка(дия), она же Хребет земли [Пришвин 1982, II, 109, 112, 114, 129, 143]. Облики этой страны различны, но так или иначе они связаны с народным утопическим сознанием.

Сквозной мотив «Кашеевой цепи» (звена «Золотые горы») – мотив сибирской шпаны в ее различных обликах – это те «странные люди», которых Алпатов открывает для себя в Сибири – «рвань и шпана», арестанты, ссыльные, «политика», разбойники, воры – «всякая рвань с волчьими билетами», в ряду которых и Иван Астахов, «командир» или «князь сибирской шпаны», и сам Алпатов, заявляющий: «Я сам себя сослал в Сибирь, я сам поднял бунт в гимназии» [Пришвин 1982, II, 107, 116, 117, 120, 138]. Факт этот представляется особенно значимым.

Для его интерпретации в «Кашеевой цепи» важен мотив книг, которые читают старообрядцы, Иван Астахов и Алпатов. Книга здесь – символический образ одновременно пугающего и манящего «миросозерцания»; идеи, во власти которой оказываются и герой, и автор. Речь идет об идее Алпатова стать народным вождем и о превращении «Кашеевой цепи» в роман об истоках русской революции, об опыте идейного существования и отказе от него во имя осуществления собственной личности внутри «драгоценнейшего потока» жизни.

В соответствии с логикой романного повествования, которая не сво-

дится к смыслу ни первого, ни второго сибирского пришвинского путешествия, Сибирь предстает в «Кашеевой цепи» как земля, сформировавшая Алпатова-революционера, точнее, подготовившая его к принятию революционных идей.

В «Кашеевой цепи» в ряду книг, определивших сознание этого поколения русских революционеров, важное место занимают, помимо Апокалипсиса, две «книги с душком», «в одинаковых переплетах, будто два тома одного сочинения» [Пришвин 1982, II, 121]. Речь идет о «Жизни Иисуса» («Жизни Христа» у Пришвина) Э. Ренана и книге Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка». Обе они были изданы на русском языке только в 1906 г., после первого и до второго сибирского путешествия Пришвина.

В сюжете превращения Алпатова в революционера и государственного преступника важны идея Ренана о том, что Иисус Христос «становится гениальным революционером, который пытается обновить мир в самых его основах», а также о том, что «Он пришел благовествовать нищим» и «основателями Царства Божия будут простые люди... не богатые, не книжники, не священники, а женщины, люди из народа, униженные, маленькие люди» [Ренан 1990, 89, 98], в сущности, та многоликая шпана, которую Алпатов увидел в Сибири. И религиозная, и революционная идеи русской культуры у Пришвина, как известно, будут так или иначе связаны с судьбой женщины.

С Кеннаном Алпатова сближает ситуация, о которой американский путешественник говорит в предисловии к своей книге: до поездки в Сибирь он «был вполне на стороне правительства и решительным противником русских революционеров». «Страшные открытия», которые он сделал во время путешествия, привели к тому, что смысл своей книги и свою «награду» он стал видеть в том, чтобы «хоть немного облегчить страшную участь тех несчастных, которых он встретил в Сибири» [Кеннан 1906, 5]. В этом контексте более понятной становится мысль Пришвина о «голгофских страданиях» русской интеллигенции [Пришвин 1982, II, 226].

В книгах Ренана и Кеннана, соединенных в романе Пришвина под одной обложкой, сошлись на необъятных сибирских пространствах две великих русских идеи – религиозная и революционная, продолжающие определять судьбу не только Сибири, но и России. Не случайно в «Кашеевой цепи» Пришвин повторит формулу русской жизни, которую он открыл в Сибири, в ходе переправы через Иртыш, и впервые сформулировал в «Заворошке»: «Бесформенность, хаос и все-таки лик. Вот-вот потонем. Но плот все плывет» [Пришвин 1982, I, 704].

Третье сибирское путешествие Пришвина

Во время третьего путешествия Пришвина в Сибирь, совпадающего в пространстве с движением русских первопроходцев, идея писателя о русском счастье открытия новых мест проходит испытание реалиями сибирской жизни.

Основной темой дневника путешествия (8 июля – 8 ноября 1931 г.) становится, как нам представляется, встреча русских покорителей Сибири с ее сокровенной и богатейшей природной жизнью. Причем жизнь эта представлена не только и не столько пестрым миром коренных сибирских народов (в их ряду у Пришвина корейцы и китайцы, а также тунгусы, якуты и др.), а также кержаков, ссыльных, каторжников, сколько миром зверей и птиц: медведей, волков, соболей, белок, оленей и т.п. Звери – важнейшие герои текстов писателя, связанных с его третьим сибирским путешествием.

«Мало-помалу надо понять здешнюю природу», – пишет Пришвин в Дневнике 20 июля [Пришвин 2006, 404]. Опыт Пришвина-охотника, вступающего в схватку со зверем, сказывается в его постижении Сибири, но к нему не сводится.

Судьба русского покорения Сибири, с его точки зрения, напрямую связана с судьбой зверя, в более широком смысле – с судьбой сибирской природы. И это уже не вопрос о Сибири, а вопрос о России.

«Русский воспитан на размахе. Шел за соболями в Сибирь и, отбирая шкурки, как ясак, завоевал всю Сибирь... Покорение Сибири без всякой особенной натяжки... можно представить себе как движение казаков за сободем», – пишет Пришвин [Пришвин 2006, 433, 564].

Принципиально важна мысль Пришвина о том, что наследниками казаков-завоевателей Сибири становятся большевики: «Двигаясь вперед, как двигалась вперед история казацких завоеваний, мы достигли, наконец, предельной точки земли у Тихого океана. Казалось бы, конец продвижения, а нет... дело казацкого расширения перешло к большевистскому и в этом весь смысл нашей истории [Пришвин 2006, 404].

Мысли Пришвина о смысле русской истории, связанной с расширением и, как он пишет, «собираем русских земель», приобретают особую актуальность в контексте современных постколониальных исследований и, в частности работы А. Эткинды «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2016). В главе «Баррели меха», сопоставляя две эпохи освоения Сибири, связанные с добычей пушного зверя и современной нефтегазовой индустрией, А. Эткинды пишет: «Географическое пространство России, в ее огромной протяженности на север и восток, сформировано пушным промыслом. С истощением популяций пушных животных казаки и трапперы двигались все дальше на восток, ища в новых землях все тех же соболей, бобров, лис, куниц и другие плоды севера. Так русские достигали самых дальних северо-восточных концов Евразии, Чукотки и Камчатки, и потом Аляски» [Эткинды 2016, 124].

В Дневнике 1931 г. Пришвин, однако, не поднимает вопрос о Сибири как российской колонии. В этом контексте может быть интерпретирован, в частности, только сквозной мотив об отсутствии садов в Сибири, ибо ехали сюда, как пишет Пришвин, «чтобы послужить, нажать и вернуться на родину» [Пришвин 2006, 460].

Для Пришвина важнее понять другое: в чем суть большевистского ин-

дустриального освоения Сибири. Он изучает особый тип людей, которых он называет партчеловек или спецчеловек, и делает вывод о том, что «коммунист не знает природы и оленя, а хочет посредством экономики создать олений питомник» [Пришвин 2006, 436, 439, 444].

Итогом пришвинского освоения Сибири станет мысль писателя о контрасте и противостоянии двух миров: природной жизни Сибири и индустриальной идеи большевиков. «Из всего, что я видел в Сибири по пути на Дальний Восток, больше всего мое внимание остановил контраст двух миров, Сибири как страны лесов, рыбы, диких зверей, первобытного человека и Сибири новой, индустриальной», – пишет он [Пришвин 2006, 565].

Выхода из противостояния этих двух миров, которые Пришвин в символическом плане соотносит с потом труда и кровью (государственного насилия), он не видит: «Что только ни придумывалось для постройки моста, соединяющего в одно свое стремление к мирному творческому труду и современное строительство... рано или поздно вся постройка разламывается и становится невозможным делом соединить пот труда и кровь» [Пришвин 2006, 568].

В сущности, в Сибири, которая для него есть не что иное, как Россия, Пришвин вновь остановился перед мыслью об осударевой дороге русской истории. В 1933 г. повесть «Жень-шень» он напишет как миф, как одну из своих сказок о пути человека, сознательно выходящего из войны, из немирного состояния бытия и обращающегося к творчеству «новой, лучшей жизни людей на земле» [Пришвин 1983, 78], которая, с его точки зрения, может быть достигнута сотворчеством человека и природы.

Однако в 1933 г. он поедет на Беломоро-Балтийский канал, и начнется его трудный путь, связанный с созданием романа «Осударева дорога».

Завершение сибирского сюжета

Завершение сибирского сюжета в судьбе и творчестве Пришвина связано, как уже было сказано, с текстом «От автора» в звене «Золотые горы» романа «Кашеева цепь», датированном 1954 г. Сибирский сюжет, начавшийся в Хрущеве и елецкой гимназии, оказывается, таким образом, длиною в целую жизнь писателя.

Свое первое «путешествие в небывалое» – так Пришвин называет здесь свой путь в Сибирь в 1889 г. – он, как когда-то в «Заворошке», ставит в ряд странствий «на новые места» своих предков-купцов и былинного Садко, хрущевского крестьянина Гуська, Ермака и своего дяди И.И. Игнатова, уехавшего в Сибирь за счастьем из староверческого купеческого дома в Белеве и превратившегося в Сибири, где «все можно» [Пришвин 1982, II, 105], в «знатного пароходчика». Все эти странствия в поисках небывалого он называет собиранием русской земли и началом всякого, в том числе исторического творчества.

Осударевой дороге русской истории в 1954 г. Пришвин противопоставляет иной – народный путь в небывалое. У истоков этой идеи, очевидно,

важнейшая тема пришвинской мысли, связанная с пушкинскими образами Медного всадника и бедного Евгения, а самым очевидным народным путем исторического творчества небывалого становится у Пришвина русский путь в Сибирь.

Подводя итоги, следует сказать, что сибирский сюжет Пришвина так или иначе связан с ключевыми темами, образами и идеями сибирского текста русской культуры: Сибирь и / как Америка, Азия, колония, ссылка, пространство необъятное, богатства неисчислимые, свобода / воля и т.п. Однако доминантой сибирского сюжета писателя является, с нашей точки зрения, образ Сибири как России и русского пути в небывалое.

Сибирский сюжет Пришвина, меняющийся во времени (от 1889 г. до 1954 г.) и в пространстве (от границы Европы и Азии, первого русского города в Сибири, Тюмени, до берегов Тихого океана), представляет собой не только путь самосознания писателя (открытия своего в чужом и чужого в своем), но и путь познания России. Сибирь, как и вся Россия, стала для него пространством испытания революционной и религиозной идеей русской культуры. Характер этого испытания определяет не только биографический контекст творчества Пришвина (исключения из гимназии, учеба в Александровском реальном училище в Тюмени, три сибирских путешествия), но и две «книжки с душком»: «Жизнь Иисуса» Э. Ренана и «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана.

Сибирский сюжет оказался средоточием важнейших мотивов творчества Пришвина: русской мечты «попытать счастья» на новых местах («собираания русской земли»); народного пути в небывалое и осударевой дороги русской истории («пота труда» и «крови» государственного насилия); сотворчества человека и природы (индустриального освоения и сокровенной природной жизни Сибири).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской литературе и культуре XX века. Пермь, 2000.
2. Варламов А.Н. Пришвин. М., 2003.
3. Дворцова Н.П. Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина // Город как культурное пространство. Тюмень, 2003. С. 8–18.
4. Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
5. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906.
6. Люсьи А.П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000.
7. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М., 1994.
8. Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995.
9. Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. СПб., 2006.
10. Пришвин М.М. Жень-шень // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1983. С. 6–78.
11. Пришвин М.М. Заворошка // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т.

- Т. 1. Произведения 1906–1914 годов. М., 1982. С. 636–794.
12. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М., 1982. С. 5–482.
13. Пришвин М.М. Путешествие из Павлодара в Каркаралинск (Сибирский дневник) // Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб., 2007. С. 471–580.
14. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви. М., 1996.
15. Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990.
16. Сид И.О. Геопэтика. Пунктир к теории путешествий. СПб., 2017.
17. Худенко Е.А. Киргизская степь в путевых записках и очерках М.М. Пришвина: имагология и поэтика // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 2. С. 107–118.
18. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Khudenko E.A. Kirgizskaia step' v putevykh zapiskakh i ocherkakh M.M. Prishvina: imagologia i poetika [The Kirgiz Steppe in M.M. Prishvin's Travel Notes and Essays: Imagology and Poetics]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2017, vol. 15. no. 2. pp. 107–118. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Dvortsova N.P. Mezhdru Evropoy i Aziyey: sibirskoye puteshestviye Mikhaila Prishvina [Between Europe and Asia: Mikhail Prishvin's Trip to Siberia]. *Gorod kak kulturnoe prostranstvo* [City as a Cultural Space]. Tyumen, 2003. pp. 8–18. (In Russian).

(Monographs)

3. Abashev V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy literature i kulture 20 veka* [Perm as a Text. Perm in the Russian Literature and Culture of the 20th Century]. Perm, 2000. (In Russian).
4. Etkind A. M. *Vnutrennyaya kolonizatsia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow, 2016. (In Russian).
5. Kennen G. *Sibir' i ssylka* [Siberia and the Exile System]. Saint-Petersburg, 1906. (Translated from English to Russian).
6. Lyusy A.P. *Pushkin. Tavrida. Kimmeria* [Pushkin. Taurida. Cimmeria]. Moscow, 2000. (In Russian).
7. Renan E. *Zhizn' Iisusa* [The Life of Jesus]. Moscow, 1990. (Translated from French to Russian).
8. Sid I.O. *Geopoetika. Puntir k teorii puteshestviy* [Geopetics. The Dotted Line to the Theory of Travels]. Saint Petersburg, 2017. (In Russian).
9. Varlamov A.N. *Prishvin* [Prishvin]. Moscow, 2003. (In Russian).
10. Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya. Prostranstvo i yazyk geogra-*

ficheskikh obrazov [Humanitarian Geography. The Space and Language of Geographical Images]. Saint-Petersburg, 2003. (In Russian).

Дворцова Наталья Петровна, Тюменский государственный университет.

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики. Область научных интересов: русская литература XX–XXI вв., книжная культура XVIII–XXI вв.

E-mail: kaf_idir@utmn.ru

Natalia P. Dvortsova, University of Tyumen.

Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism. Research interests: the Russian literature of the 20th – 21st centuries, the print culture of the 18th – 21st centuries.

E-mail: kaf_idir@utmn.ru